

ПРАВДИВОСТЬ И ПРАВО

Д-р. ТАМАШ ФЕЛДЭШИ

Следующая статья является частью моей книги, выходящей в 1983 г. под заглавием «Дилеммы правдивости». В этой книге я пытаюсь набросать одну из возможных марксистских концепций правдивости. Хотя правдивость является очень сложной, комплексной, общественно и исторически переходящей категорией, её функции и значения тоже часто преображались, я всё-таки исходил из того, что существует концепция о правдивости, с помощью которой итоги правдивости разных веков могут быть подведены.

Под знаком этого — принимая во внимание данные общественные возможности и обстоятельства — мера обеспечения возможности для развязки сущности «принадлежности к роду» является главной критерией общественной правдивости. Таким образом правдивость является в первую очередь своеобразным равенством, так как принципиально все люди одинаково имеют право в моральном понимании на развитие возможностей, вытекающих из принадлежности к человеческому роду. Одновременно по историческим причинам — в подчиненной форме — правдивости, основывающиеся на некоторой неравномерности также имеют право на существование. Здесь нам следует говорить в первую очередь о сфере распределения, в рамках которой различие достижений или потребностей — до известной степени — может сделать неравномерное распределение справедливым. На основе историко-философских уроков ставится следующий вопрос: следует ли нам рассматривать право тоже как критерий, на базе которого мы можем решить, что данные нормы или поведения, и т. д. являются справедливыми или нет. Поэтому мы должны останавливаться на вопросе отношения марксистской концепции правдивости к проблеме «законной» правдивости; марксистская концепция правдивости принимает ли соответствие с правом как критерий правдивости? Иначе говоря: как высказывается марксизм касательно многовекового спора между правопозитивизмом и естественным правом?

Исторические критики, касающиеся подходов к правдивости со стороны правопозитивизма и естественного права уже позволяют сде-

лать вывод, что ни с одним из двух пониманий нельзя согласиться относительно сути дела, так как правопозитивизм считает правдивость придатком права, изменяющегося исторически в значительной мере, и таким образом создаёт формальную концепцию, лишённую содержания (отвлечение от содержания означает полное игнорирование характера самого права); а естественное право оценивает право — на религиозном или светском основании — по существу на основе вечных и неизменных принципов правдивости, и не принимает во внимание историчность. Дело в том, что существует ли «терциум датур» или нет; и если существует этот «терциум», как он относится к правопозитивизму и к естественному праву? Можем ли мы считать его каким-то синтезом двух упомянутых пониманий?

Пока до сих пор мы не имели возможности сопоставить наши представления, касающиеся марксистской концепции правдивости с другими опытами, тогда в области философии права уже получились концепции для марксистского решения проблемы, и это уже создаёт основу для сверки. В связи с этим я имею в виду в первую очередь творчество Вилмоша Пешки, кто был пионером со многих точек зрения в области анализа взаимодействия права и правдивости в своих некоторых работах, написанных в семидесятих годах. Пешка отправляется от того правильного положения, что правопозитивизм и естественное право одинаково являются крайностями, ни один из двух не представляет собой соответствующий путь для марксизма. Но крайности часто имеют специальную свойственность: несмотря на то, что они являются противоположными, всё-таки встечаются друг с другом по некоторым основным пунктам. По мнению Пешки как бы они ни были противоположными, правопозитивизм и естественное право соглашаются друг с другом касательно основного вопроса, то есть обоим они признают только единственную типичную правдивость: правопозитивизм признаёт соответствие праву, а естественное право — совпадение права и правдивости естественного права.

Пешка считает эту монистическую концепцию неправильной, связь между правом и правдивостью можно открыть только в плюралистической концепции, объединяющей частные истины, встречающиеся в обеих концепциях. Острое различие двух проблем, (являющиеся близкими друг к другу с языковой точки зрения и именно поэтому они легко могут быть перепутаны), т. е. вопроса правовой правдивости и правдивости права считается основным требованием плюралистического воззрения между прочим.

Односторонность правопозитивизма и естественного права состоит в том, что они принимают во внимание и оценивают только один из двух вышеупомянутых вопросов: первый подчёркивает правовую правдивость, а второй — правдивость права. Обе концепции сами по себе правы в некотором роде. Мы можем согласиться с правопозитивизмом на том, что правовая правдивость действительно является внутрив правовым вопросом:

«Правовая правдивость представляет собой соответствие нормам действующего и имеющего силу правового режима, и реализацию этих норм. Поведение и соотношение соответствующие положениям действительного правового режима считаются юридически справедливыми, а поведение и соотношение, которые противоречат правовой норме, уклоняются от ней, нарушают её — являются несправедливыми. Правовая правдивость не что иное, как совершенное осуществление действующих и имеющих силу правовых норм по содержанию так же «как по форме» — пишет Пешка. («Основные проблемы современной правовой философии», стр. 217, Издательство «Гондолат», 1972 г.)

Он прибавляет к этому, что правовая правдивость — как и право — могут быть только однообразными, в этом они являются монистическими хотя исторически в одно и то же время в разных странах разные правовые правдивости могут функционировать.

Кроме вопроса правовой правдивости существуют и другие вопросы, связанные с правдивостью, которые возникают в связи с правом. В результате того, что в классовых обществах право выражает и защищает интересы — только или первично — определённых общественных классов и слоев, другие слои, члены общества — на основе своих нравственных норм — закономерно подвергают сомнению правдивость самого права. Концепция естественного права оправдывается в том, что действительно можно «ставить под вопрос» правдивость права, и эта проблема является точно так же важной, как предыдущая. По мнению Пешки естественное право ошибается только в том, что оно оставляет без внимания следующий факт: правдивость права следует обсудить гетерогенным образом на основе меняющихся и исторически определённых норм, а не на основе предположения вечных, окончательных норм.

В этом все противоположные концепции касательно правдивости права одинаково имеют право на существование, так как они удовлетворяют основное условие, т. е. рассуждают дела под знаком конкретных, моральных норм.

Значение установлений, касающихся правдивости права представляет собой отдельный вопрос, и по мнению Пешки это зависит от того, в какой мере соответствует оно Марксове мысли о сущности человека.¹

Окончательно, что касается отношения между правовой правдивостью и правдивостью права, Пешка устанавливает, что принципиально они представляют собой две разных сфер, поэтому определения, касающиеся одной сферы из двух не разбивают достоверность другой и наоборот. Если правдивость данного права подвергается сомнению, правовая правдивость существует независимо от этого и наоборот: правовая правдивость непосредственно не повышается или уменьшается от того, что данное право считается справедливым.²

Заслуга Пешки в том, что он — первым в истории венгерской марксистской теории права — подробно и по-новому занимался взаимным соотношением права и правдивости, и нам следует оценивать этот факт тем более, что социалистическая юридическая наука долго оставила в стороне вопрос правдивости (пытаясь уйти от проблемы «правильного

права», так как постановка вопроса в этой форме долгое время считалась чуждой с марксистской точки зрения). Несмотря на это нельзя согласиться с попыткой Пешки, хотя он остроумно и многосторонно попытается синтезировать понимание правдивости правопозитивизма и естественного права.

В первую очередь поразительное разделение, по которому правовая правдивость и правдивость права коричневым образом отличаются друг от друга — нам кажется небесспорным. Не как будто они не были бы действительно две различные сферы, но уместность использования выражения «правдивость» в словосочетании «правовая правдивость» вызывает сильное сомнение. Так как правдивость — пар экселлансе — является моральным оценочным суждением, таким образом если какой-то факт считается справедливым, с этим не устанавливается факт, это только выражение мнения о фактах на моральной основе. По мнению Пешки (и по правопозитивизму) правомерность, справедливость являются одновременно правовой правдивостью, они действительно представляют собой оценочное суждение, но не морального характера. Изъявление данного поведения справедливым представляет собой важное оценочное суждение для индивида тоже (нпр. потому что оно исключает привлечение к уголовной ответственности), но само по себе ещё не отвечает на следующий вопрос: законный поступок является ли одновременно справедливым или нет. В результате этого если мы автоматически объявляем законный поступок одновременно и справедливым, с этим мы не получим никаких прибавочных информации, оценок; выражение «справедливый» деградирует в пустой тавтологии.

Выявление существования или отсутствия соответствия юридической норме отвечает на другой вопрос, а не на вопрос занимающий людей в связи с правдивостью, и поэтому они не тождественны и нельзя смешать их.

Именно поэтому если мы рассматриваем правдивость как вопрос содержания, тогда *формальная правомерность* данного обращения, действия сама по себе ни в коем случае не обеспечивает одновременно их правдивость, потому что основной вопрос остается в тени, т. е. характер самой юридической нормы. В случае подступа со стороны содержания, из двух вопросов только второй оставляется реальной проблемой: правдивость права (правотворчества и применения правовых норм). В этом — но только в этом — по моему постановка вопроса со стороны естественного права — и не правопозитивизма — стоит ближе к марксизму: правдивость права является не внутриправовой, а внеправовой проблемой. (В том смысле, что на вопрос правдивости права нельзя ответить с его простой правомерностью, но надо сверить право с внеправовыми критериями правдивости.)³

Одновременно «классический» основной принцип естественного права тоже не приемлем, так как он утверждает не только то, что правдивость права следует установить на основе внеправовых критериев, но и то, что право станет правом посредством своей правдивости, право без правдивости, т. е. несправедливое право «контрадикцию ин адекцию»,

иначе говоря оно уже больше не права. В действительности правдивость права далеко не является необходимым условием («кондицию сине ква нон») права, принципиально право совершенно без правдивости тоже остаётся правом и может функционировать как право. Законодательственная воля компетентного лица или корпуса, и действительная регулирующая роль в области деятельности учреждений и отношений людей являются необходимыми элементами становления правом. Возникает другой вопрос: если право считается справедливым или несправедливым, это явление уже косвенно может влиять как на изменение, так и на осуществление права — Пешка правильно указывает на это — поскольку нпр. уверенность в несправедливости некоторых норм права может вызвать изменение права (в зависимости от того, кто имеет это мнение) и в некоторой мере препятствует т. н. «правоследованию».⁴

Итак невозможно определить отношение права и правдивости с помощью абсолютов, право и правдивость лишь не потому не совпадают, что правовые вещи были бы априори справедливыми (правопозитивизм) или только справедливые вещи были бы правовыми (естественное право). Отношение между правом и правдивостью характеризуется частичным противоречием и частичным совпадением — содержание и мера которых исторически изменяются. По критериям правдивости концепции правдивости, основывающейся на принадлежности к роду, право, как своеобразный режим норм, совокупность правовых отношений и юридически важных поведений, исторически утвердило, регулировало и воплотило в первую очередь общественные неравномерности, препятствующие развёртыванию принадлежности к роду, и в этом оно является по сущности несправедливым, хотя меру и степень его несправедливости следует определить в зависимости от исторических возможностей. С другой стороны возникновение и развитие права связывается и стремлениями правдивости, совпадающими с принадлежностью к роду, и в этом право — особенно процессуальное право — в некоторой мере является носителем правдивости тоже, пока несправедливость права, изменяющаяся исторически естественно наложила свой отпечаток на эти фазы тоже.

Таковыми фазами правдивости являются т. н. «человеческие права» которые включаются в конституцию во время буржуазных революций (свобода слова, высказывания, мнения, печати, собраний, ассоциации, итд.). «Тренд» уголовного права, в ходе которого уголовное право добралось от кровной мести через «талию» и «композицию» — принципиально в буржуазной эпохе — до индивидуального рассматривания, принимающего во внимание не только субъективные фазы, но и путь жизни виновника — так же оценивается нами как развитие правдивости.

Характер права ограничивает индивидуализм и этот факт неизбежно впривносит элемент неправдивости в многочисленных других справедливых положениях права; так как право по своей сути излагает нормы отношения, являющиеся обязательными одинаково для всех, и этим вынуждено игнорировать индивидуальные различия, вследствие которых применение данной правовой нормы станет частично несправедли-

вым для некоторых. (Выражение «для всех» не значит, что все положения права относятся на все население, но те люди, о которых говорится в правовой норме, все одинаково подлежат действию данного положения права. Таким образом положение права о воинской обязанности естественно касается только мужчин данного возраста, но вне этого для всех.) Право естественно имеет возможность делать исключение для некоторых групп людей на основе данных точек зрения, но в интересах действия права установлены пределы индивидуализации. Со времён Канта уже много моралистов ссылались на это свойство права подчёркивая что по сравнению легальностью нравственность является намного индивидуальной.⁵

Некоторые уголовно-процессуальные принципы, созданные в течение веков относятся тоже к справедливым элементам. К вышеупомянутым принципам принадлежит, что обвиняемый имеет право на защиту и представительство, включая принцип «аудиатур ет алтера парс» далее на судебном заседании должно осуществиться т. н. «разделение функций» (разные лица исполняют роль прокурора, защитника и судьи), судебное разбирательство должно быть открытым и устным, суд должен основывать приговор на доказательствах, с которыми он познакомился непосредственно, и т. д.⁶

При оценке меры правдивости права — имея в виду даже части только — нам следует всегда принимать во внимание полный правовой процесс начиная с содержания юридистического правила до судебного разбирательства. Этот подход является необходимым, так как с помощью всеохватывающего анализа можно только выяснить меру правдивости. В случае строгого соблюдения справедливых уголовно-процессуальных принципов при максимальном учёте индивидуальства, не только принципиально, но и практически бывает несправедливый приговор, потому что сама юридистическая норма является несправедливой. (Это явление одновременно доказывает первичность содержания и в этой области.)

На основе концепции правдивости, основывающей на сущности принадлежности к роду следует дифференциально оценить отношение *противоправности* и правдивости. Пока всякая *противоправность* считается правопозитивизмом «аб ово» несправедливой, тогда отношение *правотривности* и правдивости намного сложнее. (По правопозитивизму только законные дела могут быть справедливыми.) *Противоправность* действительно имеет формы, которые являются несправедливыми по сравнению с правомерностью. К этим формам принадлежит в первую очередь т. н. «деспотизм», в случае которого игнорирование права является обыкновенно своеобразным средством лиц, имеющих властные позиции, для осуществления целей незаконным путём. (См. нпр. феодальную анархию.) Несправедливость деспотизма выявляется в первую очередь тем, что при его применении некоторые односторонне навязывают другим свои воли, таким образом они уменьшают их человеческую автономию, даже лишают их этой автономии.⁷

Обсуждение «самосуда» — своеобразной разновидности *противоправности* — с точки зрения правдивости не является настолько одно-

значным. Самосуд в основных чертах противоречит некоторым справедливым процессуальным принципам, в первую очередь принципу, по которому в конфликтах людей третье лицо, независимое от них и уполномоченное на это, должно произносить приговор, и о нём следует вправе предположить, что он вынесёт более беспристрастный приговор, чем могли бы делать это заинтересованные стороны. Поэтому правовые режимы вообще осуждают самосуд как противоправным. [Правила, фигурирующие в некоторых античных правовых режимах и предоставляющие мужу право на (иногда строгое) наказание жены-прелюбодейки — представляя собой исключение.] Самосуд является вообще более несправедливой практикой, чем урегулирование конфликтов и решение меры правды рвзных сторон — судом.

В то же время самосуд имеет и две формы, подлежащие другому рассуждению; первая из них наблюдается в ситуации, где право функционирует не довольно эффективно и люди попробуют осуществить свои законные требования незаконным путём. (Вообще после того, что они уже несколько раз без успеха попробовали осуществить свои права с помощью юридистических средств.) Своеобразие здесь в том, что в этом случае не противоправность, а — совершенно напротив — реализация права является целью, но так как цель не осуществилась с помощью соответствующих (т.е. законных) средств, наблюдается «противоправное осуществление права». Если в этом случае сама законная цель является справедливой (из вышеизложенного проистекает, что она может быть и несправедливой), тогда следует оценить противоправное поведение, самосуд не только с точки зрения, по которой самосуд является более несправедливым, чем правосудие, происходящее на законных основах, но и с точки зрения, по которой *самосуд является более справедливым, чем отсутствие правосудия*. Этим объясняется то явление, что в литературе «самосудники этого типа» являются вообще трагическими героями напротив «простых самосудников», которых она единогласно осуждает. Ряд этих героев открывает М. Колхаас, его судьбу разработали писатели начиная с Клеистом до А. Шюто во многих книгах, но в XX-ом веке тоже много последователей Колхааса. «Колхаасы» нашей эпохи частично из-за индивидуальных бесправий используют самогубительное оружие самосуда, имеющего вообще трагический результат и непредусмотренные последствия, как нпр. чёрный герой книги Докторава «Регтайм» вымешает много раз бесправие, испытанное на собственной шкуре (как Колхаас — после смерти своей невесты); они желают уничтожить бесправие — отчасти общественного уровня, — в качестве индивидуальных представителей правосудия. К этой группе относятся люди, которые жили в странах, угнетенных фашистами и после падения фашизма, они сами попробовали наказывать виновников, ускользнувших от наказания, но среди них нам следует найти и тех, кто стремятся индивидуально привлечь к ответственности правонарушителей нашей эпохи, увёртывавших от наказания из-за недействительности права. К этому типу принадлежит нпр. герой радиопьесы Д. Молдовы «Служитель закона»; он, как одинокий «правосудник» возмёт себе удовлетворение напротив

тех, кто ускользнули от возмездия из-за разных причин. Но вышеупомянутые случаи строго говоря — в некоторой мере — не могут принадлежать к самосуду, так как здесь «исполнители приговора» действуют в «качестве судьи» не обязательно в интересах своих личных целей, а как представители общественности. Но суть и здесь та же самая, поскольку привлечение к ответственности осуществляется не по законам данного государства, «поборники правды» действуют по своим нормам, и в этом вышеупомянутые случаи следует оценивать как проявления «самосуда», взятого в широком смысле.

«Самосуд в широком смысле» характеризует вообще другой своеобразный тип самосуда, где не только судебный процесс, средства, но и цель сама является противоправной. Здесь говорится в первую очередь о случаях, в которых противоправность является моральной несправедливостью, и поэтому цель самосуда — «моральное правосудие». Здесь самосуд направляется против людей, которые правомерно не могут быть привлечены к ответственности из-за превратности данного правового режима, хотя они имеют на совести тяжёлые моральные вины. В связи с этим нам следует упоминать покушения на жизнь фашистских руководителей во время фашистской оккупации в разных странах, так как эти лица несли ответственность за смерть ряда невинных людей. Правосудие стран-победителей над побеждёнными странами представляет собой своеобразный тип самосуда, основывающегося на правдивости. Прототипом этого является правосудие победивших властей Второй Мировой Войны над военными преступниками. Военные преступники были привлечены к ответственности властями из-за преступления, подавляющее большинство которых не было вопрещённым фашистским правовым режимом, фашистским государством, а даже положительно оценивали их. Таким образом основу ответственности оставили морально несправедливые истребления людей, античеловеческие действия, поведения, являющиеся законными по фашистскому правовому режиму. Поэтому своеобразное соотношение сил способствовало тому, чтобы державы-победительницы могли осуществить свою концепцию правдивости против соображения правдивости побеждённых фашистских стран.

Но сущность этого правосудия состояла не в том, что державы победительницы устроили суд — по доброй воле — над побеждёнными врагами, капитулирующими без условия, но в том, что более справедливые принципы (установленные не произвольно и содержащие накопившиеся достоинства истории правдивости) победили искажённую, бесчеловечную концепцию правдивости. Вот почему нельзя согласиться с интерпретациями, оценившими нюрнбергский процесс как проявление правдивости Трасымахоса, и проповедовали именно тот взгляд, что здесь осуществился принцип «ве виктис», и не правдивость.

При идеальных условиях — но мы ещё далеко от этого — международный суд судило бы в подобных случаях, решение которого все стороны приняли бы обязательным для себя — но это уже другой вопрос.⁸

Вышеупомянутые типы самосуда представляют собой противоречивые явления. С одной стороны они являются своеобразными формами

осуществления правды, у которых доминирующим элементом является следующий: самосуд, использованный в целях осуществления правдивости представляет собой более позитивное явление, чем отсутствие (из-за разных причин) правосудия; с другой стороны самосуд носит в себе ряд опасности, имеющие последствием не только то, что лица, борющиеся за правду осуществляющие самосуд вообще терпят неудачу из-за юридистических или властных причин, но и то, что самосуд может искажаться, даже переходить в свою противоположность, так как наблюдается опасение, что правосудие — за отсутствием необходимых законных обеспечений — становится совсем самоуправным. Хорошо наблюдается это явление в практике настоящего терроризма, где самосуд считается не исключением, а общепользованным средством борьбы. Среди людей, убитых террористами можно найти и лиц, непременно заслуживших наказание, но большинство жертв было принято как средство, или основа правдивости правосудия стала совсем сомнительной, (см. случай Алдо Моро.)⁹

Следует отличать организованную противоправность от деспотизма и самосуда, которая характеризует практику движений, борющихся за более справедливыми общественными условиями при обстоятельствах, когда эта деятельность вопречается существующим правовым режимом. Вынужденная подпольщина рабочих движений и других общественных выступлений подобного характера представляет собой противоправность справедливого характера.

В результате всего вышеизложенного, «законность», «легальность», и противоположенные понятия — «противозаконность», «нелегальность» представляют собой общественные категории, которые сами по себе не являются ни справедливыми, ни несправедливыми, их содержание правдивости может быть открыто только на основе конкретного анализа содержания правовых норм и правоиспользования.

Можно ли считать соответствие праву сравнительно самостоятельным критерием правдивости, как нпр. в случае работы, достоинства, потребностей? На основе вышеизложенного наш ответ должен быть отрицательным. Соответствие с правом не может быть самостоятельной мерой стоимости, так как право, в качестве своеобразной формы может включать в себе самые разные содержания достоинств, и поэтому следует продолжать изучение как правомерности, так и противоправности, у которого не правовой характер, или его противоположность, а другие критерия являются мерами стоимости. Одновременно право представляет собой общественную частичную тотальность, группу явлений, которые — в результате своего своеобразного круга задачи, функций — отрицательно или положительно являются в наиболее близком отношении с разными типами правдивости, среди других общественных явлений; и этот факт обосновал сравнительно детальный анализ некоторых взаимных соотношений права и правдивости.

До сих пор при анализе связи права и правдивости мы не дифференцировали разные отрасли права, не изучили одну значительную проблему, т. е. какие своеобразные проблемы могут возникать в области как

создания правовых норм, так и использования правовых норм касательно разных правовых отраслей. В недалёком будущем я хотел бы заниматься этой проблемой.¹⁰

СНОСКИ

¹ Значительное положительное явление, что у Пешки в отвлечённой форме уже возникает мнение, по которому должно быть соотношение между марксистским пониманием правдивости и концепцией, касающейся человека, но Пешка не излагает ещё эту идею, не превращает принадлежность к роду в критерий правдивости.

² Одновременно Пешка ссылается на то, что — хотя нет непосредственной связи — правдивость права посредственно может оказать влияние на правовую правдивость т. е. на осуществление права особенно тогда, когда некоторые члены господствующего класса тоже начинают считать право несправедливым на основе своего морального убеждения. (В. Пешка: приведённая работа, стр. 223 — 225.)

³ Среди марксистов не только Пешка признаётся в распознавании правовой правдивости и правдивости права. Х. Кленнер из ГДР имеет то же самое понимание и он тоже подчёркивает различие между правдивостью, совпадающей с нормами права, и так называемой ним общественной или исторической правдивостью, заключающей в себе вопрос правдивости права. Пока Пешка — очень правильно — оценивает понимания о правдивости права, отличающиеся существенно друг от друга и иногда даже противоречающие друг другу, на основе того, как они соответствуют критериям принадлежности к человеческому роду, тогда Кленнер пользуется с употреблением изглаживающим в полной мере специфики правдивости. По мнению Кленнера единственным критерием общественной и исторической правдивости права (любого права) является его соответствие объективным законам развития; иначе говоря: способствует ли оно общественному прогрессу или нет.

«Таким образом речь совсем не идёт о „славословии“ социалистического права. Наш правовой режим обосновывается не с тем, что он соответствует правдивости — ведь это было бы точкой зрения естественного права, снабжённой этикеткой социализма — а он имеет право на существование (т. е. исторически является справедливым) больше всего из-за того, что сочетается с объективными закономерностями общественного прогресса и по возможности способствует их осуществлению. (...) Х. Кленнер.

⁴ «Правдивость — правофилософская категория?» — Венг. Фил. Семле, 1979/6., стр. 806 — 807.

Тесная связь имеется между марксистским пониманием правдивости и общественным прогрессом: так как обеспечение развязки характера принадлежности к человеческому роду является одновременно одним из самых значительных проявлений человеческого прогресса. Но два понятия совсем не совпадают автоматически. Общественное развитие (общественный прогресс) представляет собой комплексное понятие, имеющее много экономических, политических, итд. характерных черт, которые не в одном отношении могут сталкиваться с одной или другой формой правдивости на данной степени исторического развития. Поэтому нпр. если право соответствует объективным законам экономического развития, этот факт сам по себе далеко не обеспечивает соответствие правовых норм полностью требованиям правдивости.

⁵ Можно было бы привести много примеров, посмотрим только один. В целях уменьшения спекулятивных доходов, вытекающих из передачи недвижимых имуществ, настоящее венгерское право распорядится по нижеследующему:

Стороны обязаны платить сбор государству при передаче недвижимых имуществ, и в большинстве случаев сбор представляет собой значительную сумму. Вот именно этот сбор падает не только на тех, кто покупают или продают недвижимое имущество с целью спекуляции, но и на тех, кто желают удовлетворить свою обоснованную нужду в квартире путём этого, одновременно облегчив заботу государство с уменьшением числа лиц, подавших заявление на получение квартиры от центрального распределения. Но если правовая норма попрабовала бы дифференцировать с

помощью отмена оплаты сбора для тех лиц, которые действительно нуждаются в квартире, правовая норма практически потеряла бы эффективности, так как почти все могли бы доказать правомочность.

⁷ Эти принципы подробно изложены в работе Т. Кирая: «Уголовный приговор на пределе права». (Т. Кирай: Уголовный приговор на пределе права, стр. 306 – 309. Козгадшаги еш Йоги Киадо, 1972.)

⁸ В этом праве те буржуазные философы, по которым отсутствие деспотизма, т. е. антидеспотизм является одним из стабильных свойств правдивости. () (М. Гинсберг: Он джастис ин сосаити стр. 10 – 11, Лондон 1965. П. А. Фрайнд: Он Лау энд Джастис. стр. 96, 1968 Кембридж.)

⁹ Характеристическим примером «самосуда» этого типа является похищение из одной южно-американской страны Эишмана и его присуждение к смертной казни Израилем, так как он нес ответственность за смерть больше чем 1 миллиона людей. В данном примере справедливое привлечение к ответственности находится в резком противоречии с несоблюдением суверенитета другого государства.

¹⁰ Поэтому марксизм не соглашается со мнением правопозитивизма, по которому всякое убийство является несправедливым и противоправным. Когда во время Первой Мировой Войны Ф. Адлер, социалистический руководитель убил премьер-министра Австрии, несущего ответственность за принуждение в войну и смерть десятков тысяч людей, Ленин оценивал событие по нижеследующему: Революционеры различают между убийством и убийством; и Искра правильно подчёркивает: «киллинг из но мырдер». Одновременно Ленин подчёркивает: в то время, как поступок Адлера считается морально правильным (т. е. справедливым), политически не представляет собой подходящий путь, потому что для осуществления общественных изменений надо систематическая, стойкая, самоотверженная революционная, агитационно-пропагандистская работа, демонстрации итд. и не терроризм. () Творчество Ленина 35. Изд. Кошут стр. 221 – 222.

¹¹ Одновременно мне следует упомянуть, что в моей книге я тщательно занимаюсь соотношениями уголовных режимов, происхождения правды и в некоторых пунктах я буду трогать некоторые основные вопросы правдивости, осуществляющиеся в уголовном праве.

LAW AND JUSTICE

FÖLDESI TAMÁS

In his study the author deals with the relations of the law and justice. He criticizes the conception which makes difference between the justice of the law and the s. c. „juridical justice“. He analyzes under what historical conditions the legal rules, legal proceedings, practice of law and the illegal conduct are just.

DAS RECHT UND DIE GERECHTIGKEIT

FÖLDESI TAMÁS

Der Verfasser analysiert in seiner Studie das Verhältnis zwischen dem Recht und der Gerechtigkeit. Er kritisiert die Auffassung, wonach zwischen der Gerechtigkeit des Rechtes und der sogenannten rechtlichen Gerechtigkeit ein Unterschied gemacht werden muß. Er untersucht das Problem, unter welchen geschichtlichen Verhältnissen die Rechtsregeln, das Rechtsverfahren und die Rechtspraxis beziehungsweise das rechtswidrige Verhalten gerecht sind.